

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационном исследовании Янь Хунлэй
«Орнитологический код в поэзии Марины Цветаевой»,
представленном на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и
литературы народов Российской Федерации
(Волгоград, 2026)

Актуальность диссертации Янь Хунлэй, посвящённой исследованию орнитологического кода в поэзии Марины Цветаевой, имеет теоретический и практический аспекты. В теоретическом плане тема связана с такими категориями, как художественный мир и образная система, т.е. органичные и неисчерпаемые проявления уникальности поэта. В то же время исследуемый материал рассматривается в контексте проблемы культурных кодов как важнейшей части поэтического языка. В перспективе изучения орнитологического кода анализ соотношения архетипических смыслов, традиций национальной культуры, авторского миропонимания и стиля актуален и как некая модель, и в плане практического результата, ибо приоткрывает одну из существенных сторон поэтического творчества Марины Цветаевой.

Полученные исследовательские результаты обладают **теоретической и практической значимостью**, так как 1) выявляют механизмы смыслообразования и интерпретационный потенциал орнитологических образов; 2) позволяют уточнить и дополнить представления о поэтической индивидуальности Цветаевой.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые систематизированно представлен орнитологический код в поэзии Цветаевой 1910-1920-х годов, т.е. времени интенсивного формирования её поэтической индивидуальности.

Личный вклад диссертанта проявился в отборе, анализе литературного и исследовательского материала, выстраивании логико-композиционных связей, в тонком и глубоком анализе поэтического языка Цветаевой.

Достоверность полученных результатов исследования определяется широким охватом теоретико-методологических и историко-литературных источников, использованием адекватных методов отбора, анализа и репрезентации поэтических текстов и других источников, раскрывающих генезис и механизмы смыслопорождения в изучаемом материале. Достоверность результатов проявилась также в апробации основных положений диссертации на конференциях в Волгограде, Ростове-на-Дону, Москве, а также в шести публикациях (из них три – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России).

Структура диссертации вполне отвечает как поставленным целям и задачам, так и внутренней логике исследования. Во введении наряду с аналитическим обзором литературы и другими обязательными рубриками оговорены основания отбора конкретных орнитонимов и хронологических границ изучаемого материала, дана дефиниция центральной категории, т.е. авторского орнитологического кода, заявлены особенности подхода к материалу и принципы анализа, а именно стремление выявить истоки и механизмы концептуализации в орнитологическом коде поэзии Цветаевой.

Аналитическим главам предпослана теоретическая преамбула, содержащая рассмотрение центральной изучаемой категории культурного кода, а также его классификации, структуры, различных контекстов реализации. При этом автор диссертации опирается на широкий круг самых разнообразных научных источников. Особое внимание уделено орнитологическому коду и его смыслопорождающим возможностям. Обозначены некоторые свойства миромоделирования и поэтики Марины Цветаевой, которые можно трактовать

как некую предрасположенность к вполне определённом подходу к орнитологической образности: это пространственные и ценностные координаты, психологическое наполнение, связь с книжной культурой, поэтологический аспект. В целом, забегая вперёд, можно сказать, что убедительными представляются попытки выявить в индивидуальной версии орнитологического кода черты уникального мировидения и поэтического почерка Цветаевой. Например, отмечена склонность к абсолютной и вызывающе категоричной поляризации феноменов мироздания, некая антиномичность мировосприятия, которая находит отражение, в частности, в системе контекстуальных антитез орнитологического кода. В первой главе также дана классификация способов репрезентации орнитологического кода в поэзии Цветаевой, которые отражают многослойность семантики и генезиса каждого образа: от архетипических феноменов до индивидуально-авторской модификации.

Глава 2 посвящена генезису орнитологического кода в лирике Цветаевой. В разделе о биографических истоках удачно сопрягаются феномен материнства (как в дочернем, так и в собственно материнском сознании поэта), формула «мать и музыка» – и соответствующая семантика орнитологических образов. Обращение к географической ипостаси генезиса позволяет Янь Хунлэй выявить структуру и ценностные ориентиры пространственных аспектов миромоделирования, связанных с орнитологической символикой, особую линию в цветаевской поэтической геософии. Далее автор диссертации обращается к фольклорным, мифопоэтическим и религиозным истокам орнитологической образности. Дополняя исследователей, которые подчёркивают в цветаевской версии орнитологического кода мотивные комплексы «свобода / душа / полёт», Янь Хунлэй предлагает перспективную стратегию анализа в данной перспективе перформативных структур текстов Цветаевой. Рассмотрение этого аспекта позволяет сделать вывод о влиянии орнитологических образов на жанрово-

стилистические параметры лирических текстов, которые приобретают состояние «ритуализированного высказывания» во многом благодаря использованию кода. В параграфе дан интересный семиотический анализ образов птиц как знаков, запускающих механизм «устойчивых оппозиций».

Менее убедительным представляется раздел о литературных традициях, хотя и здесь продемонстрировано умение выделить определённые тенденции генезиса и его переинтерпретации. Последовательно развивая свою установку на анализ не столько конкретных параллелей, сколько «функциональных механизмов смыслообразования», автор диссертации утверждает, что Цветаева наследует сам пушкинский опыт присваивания образу птицы ценностного смысла, но радикально интериоризирует его и придаёт энергию бунтарства. Лермонтовская линия проявляет поэтологическую линию, а «блоковская линия задаёт символистскую мировую схему, превращая птицу / крыло в знак репрезентации не только гибели поэта, но и крушения мира» (с. 76). Представляется, что данная проблема нуждается в снижении уровня абстрагирования, в дальнейшем изучении и что линии взаимодействия с орнитологическим кодом Пушкина, Лермонтова и Блока сложнее и разнообразней, даже если следовать не сопоставлению конкретных образов, а именно тенденциям смыслообразования и функционирования.

Глава 3 демонстрирует умение диссертанта систематизировать наблюдения, связанные с конкретными орнитонимами, тем самым показывая сегменты общей системы в большем приближении к лирическому тексту как уникальной целостности. Такой подход позволяет выявить в трёх орнитонимах – ворона, лебедя и ласточки – семантическую и структурно-функциональную наполненность, системное соотношение различных элементов кода, отражающее сущностные признаки цветаевского миропонимания и поэтического стиля. В главе детально показаны танатологическая, любовно-

брачная, лиминальная, медиативная символика образов птиц, как и другие значения и роли. Особо стоит сказать о циклообразующей функции орнитологического кода, который продемонстрирован на примере цикла «Лебединый стан». В каждом из параграфов, посвящённых отдельному орнитониму, Янь Хунлэй отталкивается от опыта традиционной культуры и бытия данного образа в русской поэзии. Отметим, что здесь, как и на протяжении всей диссертации, видно внимание не только к тому, что из традиции наследуется Цветаевой, но и к тому, от чего она отказывается, какие традиционные связи символа и его значения отсутствуют в её поэзии.

В целом диссертация Янь Хунлэй характеризуется теоретико-методологической оснащённостью, глубоким пониманием индивидуальности изучаемого поэта, последовательными исследовательскими установками, тонким анализом поэтического текста.

Вместе с тем диссертация содержит ряд моментов, которые нуждаются в **уточнении или дополнении**, в том, чтобы быть специально отрефлексированными. Некоторые из соображений и критических замечаний, которые будут высказаны ниже, можно отнести к перспективам исследования, некоторые, возможно, носят дискуссионный характер.

Наиболее удачными следует признать те фрагменты, где автору удаётся сочетать внимание к тексту как целостному феномену и акцентирование магистральной темы диссертации. Менее репрезентативными можно считать те части, где происходит некое скольжение по стихотворным текстам как иллюстрации теоретических положений.

Возникают некоторые сомнения относительно терминологии в классификации способов репрезентации орнитологического кода в поэзии Цветаевой (1.3). Здесь наряду с архетипическим, символично-интертекстуальным, поэтологическим способами назван смыслообразующий. В диссертации не раз

говорится, что орнитологический код в целом обладает смыслопорождающим потенциалом. Не совсем понятно, в чём отличие универсального свойства смыслопорождения от специфического способа репрезентации.

В основной части автор последовательно подчёркивает, что ставит себе задачу выявить не столько прямые параллели, сколько сам механизм восприятия и модификации традиционных элементов кода, переинтерпретации определённых моделей. Это объясняет редкое присутствие нецветаевских текстов. Применительно к фольклору, мифологии и религии этот подход в определённой степени может быть эффективен, хотя выявлению ритуализованной речи и вообще перформативной функции цветаевских текстов не помешало бы более конкретное обращение к структуре молитвенного дискурса или к соответственным фольклорно-мифологическим параллелям именно с точки зрения орнитологической символики. Однако, когда речь идёт о литературной традиции в её индивидуально-авторских изводах, разговор об устойчивых поэтических моделях вызывает вопрос: стоит ли лишать голоса другую сторону диалога? «Устойчивые поэтические модели» проходят через много слоёв переинтерпретаций, которые требуют хотя бы минимальной рефлексии. Сама Янь Хунлэй применительно к Гейне, например, говорит именно о «четко выраженном соотношении диалога и полемики» (79). Но в этом диалоге Гейне представлен не своими образами и текстами, а как поэт, воплощающий типовую романтическую песенную модель. Между тем, если брать только «Книгу песен», нельзя не учитывать жанровую (балладную, романсовую и т.д.) традицию, гейневскую иронию, а, главное, его поэтическую орнитологию, весьма разнообразную и включающую среди прочего контекстуальную антонимию. Гёте же попадает в контекст европейского романтического ресурса. Между тем, на определённом отрезке его эволюции происходит сложнейшее взаимопроникновение разных художественных систем. При этом конкретный

анализ структурных проявлений кода в связи с Гёте сделан изобретательно. В целом же происходит некоторое упрощение и абстрагирование, которое снижает степень убедительности выводов о взаимодействии.

Имеет смысл привести некоторые дополнения и соображения о перспективе исследования. Замеченную императивность, властность интонации в перекодировке романтической песенной традиции в версии Гейне, в том числе, орнитологической символики (приказ к пению) можно вписать в более сложный и трагедийный конфликт, характерный, кстати, и для Ахматовой: это напряжение между женской природой и природой поэта, их несовместимая совмещённость.

Говоря о русской литературной традиции (2.3), целесообразно было бы обратиться к постсимволистской парадигме, наиболее близкой Цветаевой. Тогда отдельные примеры переключек с Мандельштамом получили бы более основательный фон. Здесь приведу пару конкретных примеров, которые, возможно, вписались бы в логику диссертации. Параллель с Франциском Ассизским через посредничество Волошина, рисующего в своём стихе «Святой Франциск» версию мира как бы до грехопадения, наводит на память замеченную А. К. Жолковским переключку книги Пастернака «Сестра моя – жизнь» с тем же мотивным комплексом св. Франциска. К сожалению, параллель цветаевского цикла «Але» со стихотворением Волошина была в диссертации только намечена. Интересно было бы продолжить изучать этот смысловой узел, демонстрирующий весьма специфическую линию связи русской поэзии с христианской традицией. Возможно, он соотносится с мотивом «птички божией», который есть и у Пушкина, и у Лермонтова.

В параграфе об образе лебедя внимание диссертанта закономерно было сосредоточено на «Лебедином стане». Логично было бы показать, как эта модификация орнитологического кода реализуется в «Стихах к Блоку», тем

более, что образ лебедя возникает и в поминальном стихотворении Ахматовой «А Смоленская нынче именинница...», посвящённом Блоку.

В заключение сделаем частное замечание по стихотворению «Над церковкой - голубые облака...» (1917), точнее, по строке «крик вороний». Если для Цветаевой здесь была сколько-нибудь значима русская грамматика, то она имела в виду ворóну, а не вóрона, поскольку «вороний» - это притяжательное прилагательное от слова «ворóна» (от слова «вóрон» - «воронов»). Если здесь всё-таки «ворóны», то к ним вполне относится справедливое и точное толкование, данное ниже в диссертации – «звуковой ландшафт хаоса и энтропии» (95), однако общий смысл этого орнитонима всё-таки другой. А вот на стр. 47 происходит обратная подмена. Строки «лебеди – слева, справа – вóроны / Наши дороги – в разные стороны» трактуются как «сопоставление лебедей и ворóн».

Несмотря на высказанные критические соображения, можно сказать, что данное диссертационное исследование несомненно состоялось.

Кандидатская диссертация Янь Хунлэй «Орнитологический код в поэзии Марины Цветаевой» представляет собой самостоятельное научно-квалификационное исследование на актуальную тему, ценное как в теоретическом, так и в практическом плане. Работа отличается научной новизной, вносит значимый вклад в изучение культурных кодов и творчества Марины Цветаевой. Положения, вынесенные на защиту, а также автореферат полно и адекватно отражают результаты проведённого исследования.

Диссертация Янь Хунлэй «Орнитологический код в поэзии Марины Цветаевой», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, соответствует паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: 4. История

русской литературы XX века, а также соответствует требованиям пп. 9–14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции с изменениями и дополнениями).

Автор диссертационного исследования – Янь Хунлэй – заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Против включения данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент –
Минц Белла Александровна,
доктор филологических наук
(10.01.01),

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Юридический адрес:
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83
rector@sgu.ru
<https://www.sgu.ru>

Домашний адрес: 410008 РФ г. Саратов, ул. Большая Садовая 50, кв. 23.

E-mail: bella-mints7@yandex.ru

Телефон: +7917 302 02 60.

